

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕВРОПЕ И ЕЕ АКТОРЫ IDENTITY IN EUROPE AND ITS ACTORS

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

Научная статья / Research article

Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты

И.А. Помигуев^{1, 2, 3}, Э.Р. Салахетдинов^{4, 5}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация

³Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

⁴Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

⁵Университет Южной Африки (Unisa), Претория, Южно-Африканская Республика

Аннотация. В статье анализируется политика памяти о Второй мировой войне (ВМВ) в социалистической Югославии и сравниваются соответствующие коммеморативные практики в постъюгославских республиках. В фокусе внимания находится область конструирования праздников и памятных дат, отражающих символические и ценностные ориентиры общества, а также траектории национально-государственного строительства. Процесс формирования государственного метанарратива в послевоенной Югославии был тесно связан с монополизацией коммунистами роли лидеров национально-освободительной войны, объединивших южнославянские народы в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Из истории сопротивления иностранным оккупантам и внутренним врагам властями были выведены государственные праздники и памятные дни, призванные легитимизировать и укрепить торжество нового социалистического порядка. Альтернативные югославские некоммунистические движения, прежде всего усташи и четники, способные составить конкуренцию на символическом поле, были объявлены классовыми врагами, реакционными элементами и коллаборантами. По мере нарастания дезинтеграционных процессов в социалистической Югославии были предприняты попытки ревизии ее идеологических установок и символического наследия. Однако, как показывает исследование, попытки ревизии итогов ВМВ стали скорее маргинальным явлением, а большинство постъюгославских государств, хоть и в деидеологизированном виде, но сохранили символические практики предыдущего периода.

Ключевые слова: политика памяти, праздники, памятные дни, символическая политика, ревизия итогов Второй мировой войны, усташи, четники, социалистическая Югославия, республики бывшей Югославии

© Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 659–674. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

The Memory Policy of the Second World War in the Post-Yugoslav Republics: Symbolic and Commemorative Aspects

I.A. Pomiguyev^{1, 2, 3}, E.R. Salakhettidinov^{4, 5}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation

³Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation

⁴The Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation

⁵University of South Africa (Unisa), Pretoria, The Republic of South Africa

Abstract. The paper analyses the politics of memory of the World War II (WWII) in socialist Yugoslavia and compares the corresponding commemorative practices in the post-Yugoslav republics. The focus is on the design of holidays and memorial dates that reflect the symbolic and valuable attitudes of society, as well as the trajectory of nation-building. The formation of the state metanarrative in post-war Yugoslavia was closely related to the monopolisation of the leadership roles of the national liberation war by the communists, who united the six South Slavic nations in their struggle against the Nazi invaders. The state holidays and memorial days were derived from the history of resistance to foreign occupiers and internal enemies in order to legitimise and strengthen the triumph of the new socialist order. Alternative Yugoslavian non-communist movements, especially the Ustash and Chetniks who were potentially capable of competing in the symbolic field, were declared class enemies, reactionary elements, and quislings. As the processes of disintegration increased in socialist Yugoslavia, there were several attempts to revise its ideological attitudes and symbolic heritage of WWII. Nevertheless, as the study shows these attempts became, rather, a marginal phenomenon, and most post-Yugoslav states retained the commemorative, albeit de-ideologised, practices of the previous period.

Keywords: politics of memory, holidays, memorial days, symbolic politics, revision of the results of World War II, Ustaša, Chetniks, socialist Yugoslavia, the republics of the former Yugoslavia

For citation: Pomiguyev, I.A., & Salakhettidinov, E.R. (2021). The memory policy of the Second World War in the post-Yugoslav republics: Symbolic and commemorative aspects. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 659–674. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

Введение

Память о Второй мировой войне (ВМВ) до сих пор является предметом серьезных внутри- и внешнеполитических споров во многих странах. Распад социалистической системы и возникновение новых независимых государств в Европе обострили ревизионистские настроения, связанные с трактовками

событий ВМВ¹. Независимые государства бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в этом плане не исключение: они хоть и отличаются друг от друга по ряду параметров, но до сих пор объединены общими проблемами, связанными с нерешенностью задач по формированию нации, опытом совместного существования в составе больших политических и ностальгией части населения по прошлым временам [Мелешкина 2018; Ефременко, Мелешкина 2020].

Именно поэтому не теряет своей актуальности вопрос изучения в постъюгославских республиках политики памяти как «деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [Малинова 2018:33].

Методологической основой представленной работы послужили базовые постулаты, используемые в исследованиях коллективной памяти (*memory studies*) и заложенные еще в начале XX в. М. Хальбваксом, А. Варбургом и др. [Erl1 2011:4; Хальбвакс 2005]. Эти идеи получили развитие и в трудах российских ученых: А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко и др. [Методологические вопросы изучения политики памяти 2018; Джонсон, Малинова 2020; Ефременко 2018].

В данной работе предлагается исходить из того, что коллективная память – это коллективно разделяемая репрезентация прошлого, которая определяет особенности восприятия исторических событий индивидами [Хальбвакс 2005]. В свою очередь, индивиды, которые принимают общие идеи и смыслы, формируют «воображаемое сообщество», выступающее одной из основ государственности [Андерсен 2016].

Сложный этнический состав постъюгославских государств не позволяет говорить о гомогенности и единстве проживающих там сообществ, что определяет необходимость конструирования общенациональной идентичности², в том числе посредством мобилизации этнических сообществ в таких государствах [Понамарева 2019]. В этих условиях коллапс надэтнической системы югославской идентичности и уход с политической сцены поддерживавшей ее социальной группы [Ефременко 2018] вынуждает власти молодых политий искать новые символы политики памяти, в том числе в травмирующих событиях ВМВ, что роднит их с республиками бывшего Советского Союза.

В данной статье предлагается сфокусироваться на государственных праздниках³, которые выступают «зеркалом» символических и коммеморативных

¹ См., например: *Образы войны в исторической памяти* // Российская газета. 08.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/obrazy-vojny-v-istoricheskoy-pamiaty.html> (accessed: 01.12.2020).

² Все это можно реализовывать в рамках политики памяти. См. подробнее: [Джонсон, Малинова 2020:20–22].

³ *Государственными праздниками* в данной статье мы называем законодательно установленные выходные праздничные дни. *Памятными днями (Memorial Days)* являются дни, законодательно установленные с целью увековечивания памяти о событии или явлении, которые, однако, в отличие от государственных праздников, являются рабочими.

характеристик официальной политики памяти и являются публичным результатом борьбы существующих политических сил за интерпретацию прошлого [Ефремова 2013].

Исторический контекст политики памяти о Второй мировой войне в социалистической Югославии

В 1945 г. победившими во Второй мировой войне (ВМВ) партизанами-коммунистами во главе с Иосипом Броз Тито образована Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ, с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ). С целью преодоления резко обострившихся в ходе ВМВ межэтнических конфликтов новое руководство страны приступило к политике конструирования коллективной памяти и формирования югославской идентичности [Jović 2004, 2009], объединяя его рамками общего югославского метанарратива [Ефременко, Мелешкина 2020]. События ВМВ играли ключевую роль в государственном строительстве новой республики, которое опиралось на миф о «братстве и единстве» (*bratstvo i jedinstvo*) южнославянских народов и их совместной борьбе за освобождение от нацизма и фашизма (*narodnooslobodilačka borba*) [Milošević, Touquet 2018]. Государственный нарратив гласил: партизанское движение, состоящее из боснийцев, македонцев, сербов, словенцев, хорватов и черногорцев, под руководством коммунистической партии выиграло освободительную войну против немецких, итальянских, болгарских и венгерских оккупантов, а также внутренних врагов, что привело к торжеству социалистической революции в Югославии.

Вклад каждого из шести славянских народов в освобождение страны подчеркнуто признавался равным, при этом главными внутренними врагами и коллаборантами были названы, в первую очередь, хорватские усташы и сербские четники. Так, Тито в мае 1945 г. объявил: «Если у хорватов были усташы, то у сербов были четники. Какая разница между ними?» (цит. по: [Djokić 2002:132]). Дихотомия югославского исторического нарратива преднамеренно симплифицировала сложность и неоднозначность позиций каждой из противоборствующих сторон. Как верно отмечал Джокич, в официальной югославской политике памяти существовало только одно измерение – «национально-освободительная война и социалистическая революция (*narodnooslobodilački rat i socijalna revolucija*)» [Djokić 2002:132]. В этой незамысловатой исторической картине не оставалось места для обсуждения причин кровавых межэтнических конфликтов, произошедших в Югославии во время ВМВ. В итоге отсутствие публичной рефлексии и искусственное подавление противоречий приведет к их резкому обострению в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В области политики памяти руководство СФРЮ стремилось создать объединяющие символы и церемониальные практики. Высокая популярность партизанского движения и лично Тито позволили коммунистам после ВМВ фактически с нуля создать новую символическую парадигму. Неудивительно, что большинство из новосозданных праздников были посвящены

героической партизанской борьбе коммунистов, возглавляемых «отцом нации» и маршалом Югославии. Следует отметить, что это произошло не только в силу стремления режима Тито «правильно» интерпретировать историю для придания большей легитимности своему правлению, но и во многом из-за отсутствия альтернативных нарративов, способных объединить страну после *bellum omnium contra omnes*⁴.

Государственные праздники в новообразованной после ВМВ югославской федеративной республике как на общегосударственном, так и республиканском уровнях были приурочены либо к заседаниям комитетов антифашистского сопротивления, либо к датам восстаний каждой из шести славянских этнических групп. На республиканском уровне также отмечались даты освобождения крупных городов: Белграда (12–20 октября 1944 г.), Сараево (5 апреля 1945 г.), Любляны и Загреб (8 и 9 мая)⁵. Нередко праздник совмещал в себе несколько событий, произошедших в один день, но в разные годы, например общегославский *День республики* (29 ноября)⁶.

Еще одним общенациональным праздником в стране являлся *День бойца* (*Dan borcev*), введенный 26 июня 1956 г. и отмечавшийся 4 июля. Его называли также «праздником восстания народа Югославии» (годовщина заседания Политбюро ЦК КПЮ⁷), где было принято решение поднять вооруженное восстание. В Хорватии этот праздник был отменен в 1989 г., в остальных республиках – после получения независимости, и лишь в Сербии он сохранялся до 2001 г.⁸

Другим федеральным праздником, посвященным ВМВ, стал *День победы*. В 1965 г. руководство Югославии установило 9 Мая государственным праздником совместно с СССР в честь двадцатой годовщины победы над гитлеровской Германией. Интересно, что эта дата сохранилась, несмотря на последующее заметное ухудшение советско-югославских отношений, и в большинстве своем после развала социалистической Югославии в новых независимых государствах. Каждая из республик социалистической Югославии также имела один или два праздника, посвященных истории антифашистского сопротивления⁹.

На современном этапе развития постъюгославских стран в их новых границах часть символов и церемониальных практик послевоенной Югославии

⁴ Война всех против всех (пер. с лат.).

⁵ На пути к новым смыслам. 9 мая на Балканах // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-puti-k-novym-smyslam-9-maya-na-balkanakh/> (дата обращения: 30.11.2020).

⁶ *Подробнее*: Remembering 29 November, Dan Republike (Day of the Republic) // Remembering Yugoslavia. URL: <https://rememberingyugoslavia.com/dan-republike/> (accessed: 15.11.2020).

⁷ Центральный комитет Коммунистической партии Югославии.

⁸ Dan borca. URL: https://sh.wikipedia.org/wiki/Dan_borca (accessed: 01.12.2020).

⁹ Авторами статьи составлена сводная таблица праздников и памятных дат СФРЮ и независимых государств, образованных после ее распада, которые посвящены событиям ВМВ. С таблицей можно ознакомиться по ссылке: Помигуев И. Праздничные дни и памятные даты в СФРЮ и постъюгославских республиках, посвященные Второй мировой войне // Harvard Dataverse, V1. DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/CPGVOD>

сохранилась. Так, например, партизанские песни времен ВМВ имеют большую популярность и исполняются по сей день¹⁰. Иначе обстоит ситуация с праздниками: они хоть полностью и не исчезли, но подверглись серьезной переоценке и смысловой трансформации.

Распад Югославии и ревизия социалистической исторической парадигмы

Глобальный кризис социалистической системы и растущий запрос наций на самоопределение на рубеже 80-90-х гг. XX в. поставили под вопрос будущее ряда крупных политий, таких как СССР, Чехословакия и Югославия. Однако если советская и чехословацкая партийные номенклатуры перед лицом этого вызова приняли решение о добровольном самороспуске в рамках существующих границ (за некоторыми исключениями), то в Югославии стремление сохранить федерацию и попытки изменить существовавшие границы между республиками привели к гражданской войне, этническим чисткам и геноциду в Сребренице¹¹.

В процессе государственного и национального строительства новых государств, образованных после распада СФРЮ, образ югославского социалистического прошлого до сих пор представляет собой поле символической внутри- и внешнеполитической борьбы, отличающейся значительной вариативностью от страны к стране [Мелешкина 2018; Ефременко, Мелешкина 2020].

На современном этапе национального и государственного строительства республик бывшей Югославии наиболее выражено наблюдались две доминирующие тенденции в политике памяти о событиях ВМВ.

1. Нивелирование идеологических различий внутри этносов при усилении межэтнического дистанцирования. Процесс «перестройки» Югославии сопровождался активным публичным обсуждением необходимости национального примирения бывших идеологических врагов, таких как четники и сербские партизаны, усташы и хорватские коммунисты. В то же время необходимость межэтнического примирения на официальном уровне практически не обсуждалась¹². Как верно отмечал Джокич, «в Югославии на рубеже 80–90-х гг. XX в. большинство сербов стремились к примирению не с хорватами, а с другими сербами иного идеологического толка, и наоборот – правые хорваты стремились гармонизировать отношения с левыми хорватами, а не с сербами в целом или, по крайней мере, с сербским меньшинством Хорватии» [Djokić 2002:130].

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Hofman 2021].

¹¹ События в Сребренице были признаны Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международным судом ООН геноцидом. Сербия отказывается квалифицировать резню в Сребренице как геноцид, однако в резолюции 2010 г. парламент страны осудил массовое убийство боснийских мусульман и принес извинения семьям погибших.

¹² Возможно, создание специальной комиссии для расследования и оценки обоюдных преступлений во время ВМВ (аналога Комиссии правды и примирения, созданной в ЮАР после крушения системы апартеида), могло бы способствовать урегулированию ситуации. Однако такого органа создано не было.

2. **Апроприация и деидеологизация югославской истории ВМВ.** Большинство республик бывшей СФРЮ отчасти сохранили и/или вернулись к югославской интерпретации истории ВМВ, но очистили ее от коммунистических идеологических догматов, в первую очередь пересмотрев роль коммунистов как единственной силы сопротивления на югославском пространстве.

В Боснии и Герцеговине, где доминирует деидеологизированная югославская интерпретация истории ВМВ, прошлые праздники были упразднены, за исключением 9 Мая, – *День победы* продолжает иметь государственный статус¹³ в первую очередь из-за сложности управления, поскольку Республика Сербская категорически против его отмены.

Македония сохранила *День восстания народа* в неизменном виде, а 2 августа (*Первая сессия Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии*) стал *Днем республики* с сохранением смыслового содержания¹⁴. В Словении социалистический *День восстания народа* отменен, а на его место пришел государственный праздник *День восстания против оккупации* (27 апреля), заменивший, в свою очередь, социалистический *День освободительного фронта* при том же содержании. Кроме того, еще досоциалистический праздник *День всех святых* стал во времена СФРЮ *Днем мертвых*, а в современной Словении получил название *День памяти погибших*. Название меняется, а содержание остается.

В Черногории *День восстания народа* (13 июня) сохранился как *День восстания*, но празднуется в государственном статусе совместно с *Днем государственности* – годовщиной Берлинского конгресса 1878 г., впервые признавшего независимость страны.

Таким образом постъюгославские государства, кроме Хорватии и Сербии, «весьма однозначно смотрят на события тех лет»¹⁵, сохраняя основные положения о национально-освободительной борьбе против внешних и внутренних врагов, но без социалистического флера (например, практически повсеместно убрали из названия производные от слова «народ»). Это может быть связано с тем, что четыре республики бывшей Югославии исторически не имели альтернативных полюсов, сопоставимых по масштабам с коммунистическим¹⁶. Это позволило указанным странам избежать конкуренции за память и во многом сохранить прежнюю интерпретацию исторических событий ВМВ с поправкой на современные условия.

Драйверами процесса исторического ревизионизма в бывшей СФРЮ выступили Сербия и Хорватия, что было обусловлено наличием у них конкурирующих идей и интерпретаций в рамках исторической памяти о наследии

¹³ Если приходится на рабочий день.

¹⁴ В память об Илинденском восстании 1903 г. против власти Османской империи.

¹⁵ «Борьба за освобождение»: как меняется восприятие Второй мировой войны на Балканах // Евразия эксперт. URL: <https://eurasia.expert/kak-menyayetsya-vospriyatye-vtoroy-mirovoy-voyny-na-balkanakh/> (дата обращения: 26.11.2020).

¹⁶ Во время ВМВ в Югославии только движения коммунистов, четников и усташей имели численность сопоставимую или превышающую 100 тыс. человек.

четников и усташей. По мере нарастания кризиса идей социализма в Югославии вклад этих движений в национальную историю обеих стран подвергался переосмыслению. Для лучшего понимания причин, стоявших за стремлением к исторической ревизии событий ВМВ в Хорватии и Сербии, рассмотрим отдельно два этих кейса.

Хорватия: интеграция с ЕС и проблемы нового дискурса о Второй мировой войне

Курс на интеграцию с ЕС, взятый балканскими государствами после распада Югославии, обнажил проблему интерпретации отдельных событий национальной истории и их согласованности с общеевропейским историческим метанарративом, долгое время служившим инструментом успешной интеграции западноевропейских стран в общеевропейское пространство [Миллер 2016]. Конфликт, в первую очередь, возникал при даче оценок повстанческим движениям, в годы ВМВ сотрудничавших с режимами Гитлера и Муссолини. Перед вступлением в ЕС аналогичную задачу решали многие восточноевропейские государства, чей опыт был, несомненно, учтен в постъюгославских республиках. В данном разделе основной фокус сделан на Хорватии как стране с наиболее релевантным опытом политики памяти, позволившим осуществить интеграцию с ЕС.

Первым президентом независимой Хорватии Франьо Туджманом (1990–1999) был взят курс на национальное примирение хорватского общества. С этой целью была предложена новая интерпретация ВМВ, согласно которой как хорватские партизаны-антифашисты, так и их противники усташа преследовали одну цель – достижение национальной свободы для хорватов [Durasković 2016:776]. Вклад партизан и усташей в создание национального государства был признан одинаковым, а ветераны обоих движений уравнины в правах.

Оценки тем или иным историческим явлениям давались властями якобы сквозь призму интересов хорватской государственности, поэтому сербы или коммунисты, которые якобы мешали созданию Хорватии, объявлялись врагами, а нацистское марионеточное Независимое государство Хорватия считалось при этом выражением исторических устремлений хорватского народа [Durasković 2016:772].

Хорватский дискурс тех лет попал в классическую ловушку национального ресентимента, когда ответственность за собственные исторические ошибки переносилась на внешних врагов. Специалист по хорватской истории ХХ в. С. Корен отмечала, что хорватская парадигма в 1990-е гг. была «основана на [хорватской] национальной самодостаточности, в то время как отношения с соседними народами были представлены в основном через конфликты, сопротивления [их] агрессии и попыткам разрушить хорватскую национальную идентичность («мы» – жертвы «других») [Koren 2001:183]. В практическом плане это, в частности, выразилось в стремлении к оправданию и занижению числа погибших в концлагере Ясеновац в Независимом государстве Хорватия во время ВМВ.

Однако национальный ресентимент и попытки реабилитации нацистского прошлого были в большинстве своем маргинализированы после ухода Туджмана. Пришедшее к власти в 2000 г. социал-демократическое правительство Хорватии во главе со Степаном Месичем (2000–2010) взяло курс на сближение с ЕС, для которого антифашизм является одной из фундаментальных ценностей. Новое хорватское руководство безоговорочно признало преступления, совершенные хорватским нацистским режимом во время ВМВ, в том числе прямое участие усташей в холокосте и преступлениях против человечности, отмечая, что их жертвами были и хорваты тоже [Cvijić 2008]. Отметим, что холокост был безоговорочно признан как Хорватией, так и Сербией, в отличие от военных преступлений и этнических чисток, совершенных во время ВМВ на территории Югославии. Эти события продолжают оставаться проблемным полем политики памяти обоих государств и поводом для взаимных обвинений сербов и хорватов.

В настоящее время в Хорватии как государственный праздник отмечается *День антифашистской борьбы* – 22 июня. Он посвящен созданию хорватскими коммунистами в 1941 г., после объявления нацистской Германией войны СССР, Сисакского народно-освободительного партизанского отряда как первой организации хорватских (по другим мнениям – югославских) партизан. Хорваты, установив эту дату, фактически получили право называться первой страной в границах Югославии, сформировавшей свой партизанский отряд, таким образом отобрав у Сербии символическое первенство¹⁷.

День победы (9 мая) в Хорватии остается памятной датой, по югославской традиции, совмещения праздников объединенной с *Днем Европы*¹⁸. Однако до сих пор со стороны левого политического фланга Хорватии высказываются мнения, что *День победы* оттеняется не только празднованием европейского единства, но и мероприятиями в память о погибших близ Блайбурга¹⁹.

«Резня в Блайбурге» (*Pokolj u Bleiburgu*) является памятной датой²⁰ и считается одним из ключевых событий в исторической памяти хорватов. В мае 1945 г. хорватское ополчение, состоявшее из усташей и антикоммунистов, вместе с гражданскими лицами отступало в сторону австрийского города Блайбург, чтобы сдать британским войскам. Союзное командование отказалось признать их капитуляцию, и они были переданы партизанам Тито,

¹⁷ Zaboravljeni odred: I u Vrgorcu je 22. lipnja 1941. godine osnovana prva partizanska grupa. Lupiga. URL: <https://www.lupiga.com/vijesti/zaboravljeni-odred-i-u-vrgorcu-je-22-lipnja-1941-godine-osnovana-prva-partizanska-grupa> (accessed: 20.11.2020).

¹⁸ 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Робер Шуман выступил с планом по объединению промышленности Франции и Западной Германии, что считается первым шагом на пути создания Европейского экономического сообщества (с 1993 г. – Европейского союза).

¹⁹ Stazić: Hrvatska neiskreno obilježava dan pobjede nad fašizmom // Tportal.hr. 09.05.2019. URL: <https://www.tportal.hr/vijesti/clanak/stazic-hrvatska-neiskreno-obiljezava-dan-pobjede-nad-fasizmom-20190509> (accessed: 20.11.2020).

²⁰ День памяти хорватских жертв в борьбе за свободу и независимость. Празднуется в воскресенье, ближайшее к 15 мая.

которые убили десятки тысяч пленных. Ежегодно в Хорватии на высоком уровне проводятся памятные мероприятия погибших при Блайбурге как жертв коммунистического режима.

Хорватия, в отличие от государств Балтии, предпринявших попытку реабилитации сотрудничавших с нацистами национально-освободительных движений, полностью осудила деяния усташей. В этом ключе следует рассматривать поминание погибших при Блайбурге, которое скорее носит антикоммунистический характер и возлагает на партизан Тито ответственность за резню мирного населения. Этим объясняется поддержка хорватским руководством антикоммунистической повестки восточноевропейских государств – членов ЕС, в частности подписание в 2008 г. положения Пражской декларации о европейской совести и коммунизме. В ней в равной степени были осуждены преступления нацистского и коммунистического тоталитарных режимов. С этой целью Хорватия ввела в национальный календарь *Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма*, отмечаемый в день подписания пакта Молотова–Риббентропа 23 августа, став единственной такой страной на постъюгославском пространстве²¹. Это примечательно еще и тем, что в отличие от Польши и стран Балтии, разделенных между нацистской Германией и СССР, Хорватия не являлась «жертвой» пакта.

Антифашизм и антикоммунизм стали двумя столпами политики памяти в современной Хорватии. Как верно отмечает С. Цвиджич, «не став поддерживать исторически проблемную стратегию реабилитации движения усташей, хорватское общество переживает процесс, который можно назвать национализацией антифашистской истории или „деидеологизацией“ коммунистической исторической парадигмы» [Cvijić 2008:719].

Республика Сербия: ревизионистские тенденции в политике памяти

Дезинтеграция Югославии стала катализатором роста националистических и великосербских настроений в Сербии на рубеже 1980–1990-х гг. XX в. На первых многопартийных выборах страны победила Сербская социалистическая партия (ССП), а ее лидер Слободан Милошевич стал президентом страны (1989–1997). При Милошевиче начался процесс ревизии итогов ВМВ и, в особенности, оценок четнического движения. Следует отметить, что многолетний партийный функционер коммунистической партии Милошевич скорее противостоял процессу ревизии вклада четников в историю страны, открыто поддерживая их идеологических противников – коммунистов.

С конца 1980-х гг. в Сербии, как и в остальных странах бывшей Югославии, наблюдался процесс нивелирования внутригосударственных идеологических различий при усилении межэтнического дистанцирования, в том

²¹ 8 августа 2012 г. правительство Словении приняло резолюцию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов, но как памятная дата или праздник в национальном календаре он не фигурирует.

числе за счет продвижения идей национализма и югославизма [Мелешкина, Помигуев 2019]. Так, события ВМВ получили новые интерпретации в школьном образовании [Ефременко, Мелешкина 2020], где вклад в национально-освободительную борьбу четников и коммунистов сначала был приравнен, а впоследствии на партизан-коммунистов был повешен ярлык идеологических фанатиков²².

Новая историография оправдывала сотрудничество четников с нацистами прагматичными причинами, дескать это делалось из-за стремления не допустить жертв среди мирного населения, при этом массовые убийства хорватов и бошняков забывались [Cvijić 2008:723]. Подобную избирательность можно встретить и в сербской политике памяти. С одной стороны, широко отмечаются события, посвященные памяти жертв лагеря смерти Ясеновац, где погибли десятки или даже сотни тысяч сербов, а также тысячи цыган и евреев. С другой стороны, в Сербии, к примеру, замалчивается роль четников в массовых убийствах боснийцев в восточной части Боснии в апреле-мае 1941 г., предшествовавших любым крупным операциям усташей, что с трудом можно объяснить ответными действиями на террор хорватских нацистов [Ноаге 2006:143].

В 2004 г. парламент Сербии уравнивал в правах партизан-коммунистов и четников, объявив оба движения антифашистскими²³. Закон был широко поддержан либеральными и монархическими политическими кругами, но осужден сербским коммунистическим движением и ветеранскими организациями, заявившими, что Сербия стала «первой страной в Европе, которая провозгласила движение коллаборантов освободительным и антифашистским» [Ramet 2010:299]. В 2011 г. с целью продвижения новых исторических оценок в Сербии были учреждены новые праздники: *День памяти сербских жертв Второй мировой войны* (21 октября) и *День памяти жертв Холокоста, геноцида и других жертв фашизма во Второй мировой войне* (22 апреля). Сербия таким образом попыталась поставить знак равенства между двумя указанными событиями, надеясь, что это будет способствовать признанию геноцида сербов на общеевропейском уровне.

Примечательно, что в отличие от Хорватии, где приход проевропейских политических сил ознаменовал конец попыток ревизии истории ВМВ и однозначное осуждение преступлений режима усташей, правящая с 2012 г. Сербская прогрессивная партия (СПП), ориентированная на интеграцию с ЕС, продолжает историческую ревизию наследия четников. Показательным фактом ревизионистских действий можно считать повторное рассмотрение дела Драголюбa Михайловича – предводителя четнического движения в годы ВМВ, расстрелянного по приговору Верховного суда Югославии в 1946 г. за военные преступления и сотрудничество с нацистами.

²² 60 godina od pobjede nad fašizmom // Regija. 06.05.2006. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/845746.html> (accessed: 21.11.2020).

²³ Četnici – Partizani 12:5. 23.12.2004 // Vreme. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=400592> (accessed: 25.11.2020).

В 2015 г. Высший суд Белграда реабилитировал Михайловича, признав его невиновным по всем статьям обвинения. Хорватия резко осудила это решение, сравнив его с реабилитацией Гитлера и Муссолини²⁴. Следует отметить, что подобное сравнение не совсем корректно. Четники, в отличие от нацистов и фашистов, имели хорошие отношения с силами союзников, а Михайлович в 1942 г. даже стал лицом американского журнала *Time*²⁵. Во время Холодной войны Запад поддерживал четническое движение в эмиграции и их борьбу против коммунистического режима в Югославии [Subotić 2019]. По сей день сербская диаспора на Западе организует мероприятия в честь движения четников²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что борьба Сербии с коммунистическим наследием ведется более скрыто, нежели это делает Хорватия. Причиной тому может служить высокий уровень евроскептицизма значительной части сербского населения и нежелание портить отношения с Россией, куда сербские лидеры периодически приезжают для участия в военном параде 9 Мая. В этом отношении интересно взглянуть на сербскую политику в области праздников как символических практик, отражающих ценности правящей элиты. Так, югославский *День восстания народа Сербии* против фашистских захватчиков (7 июля) был упразднен без замены его на другое событие. Фактически в Сербии сейчас нет ни одного выходного праздничного дня, посвященного ВМВ: даже *День победы*, хоть и обозначен в законе как государственный праздник, является рабочим днем. Кроме того, происходит смещение фокуса с событий ВМВ в сторону Первой мировой войны, оценки которой гораздо менее конфликтны в исторических трактовках сербов и ЕС²⁷.

Заключение

Однозначность в интерпретации исторических событий, их принятие и символическое признание травматического прошлого на государственном уровне способны существенно повлиять на процесс построения стабильных демократических государств [De Lue 2006]. В этой связи особенно важно понять, какие символические и коммеморативные аспекты политики памяти наблюдаются в настоящее время на постъюгославском пространстве.

Распад социалистической Югославии привел к попыткам ревизии югославской исторической парадигмы в новообразованных независимых государствах.

²⁴ В Сербии реабилитирован генерал Дража Михайлович // *Голос Америки*. 14.05.2015. URL: <https://www.golosameriki.com/a/serbia-mihailovic/2767529.html> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁵ *Draja Mihailovich* // *Time*. May 25, 1942. URL: <http://content.time.com/time/covers/0,16641,19420525,00.html#:~:text=Draja%20Mihailovich%20%7C%20May%2025%2C%201942> (accessed: 25.11.2020).

²⁶ *Betrayal: RSL backs Nazi-aligned Serbian Chetniks* // *Independent Australia*. January 1, 2020. URL: <https://independentaustralia.net/politics/politics-display/betrayal-rsl-backs-nazi-aligned-serbian-chetniks,13505> (accessed: 30.06.2021).

²⁷ *На пути к новым смыслам. 9 мая на Балканах* // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-puti-k-novym-smyslam-9-maya-na-balkanakh/> (дата обращения: 30.11.2020).

Однако проведенный анализ государственных праздников, посвященных памяти о событиях ВМВ, показал, что такие устремления являлись скорее маргинальным явлением. В Словении, Северной Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине основные югославские праздники, посвященные датам антифашистских восстаний и Дню Победы, были сохранены, хотя и с некоторыми идеологическими изменениями.

Подобная приверженность к сохранению югославской интерпретации событий ВМВ обусловлена отсутствием в истории этих стран массовых национальных движений, которые могли бы побороться с символическим значением и влиянием, которое было у коммунистов. В этих условиях оказалось более целесообразным видоизменить праздники и согласиться с югославской интерпретацией ВМВ, а не придумывать новые смыслы с нуля.

Иначе обстояла ситуация в Хорватии и Сербии, где присутствие в истории обеих стран крупных антикоммунистических движений привело к попыткам их реванша на символическом поле после распада Югославии. Хорватия и Сербия пошли на зеркальные шаги в стремлении «отбелить» историю усташей и четников соответственно, которые представлялись борцами за национальную независимость, вынужденно пошедшими на сотрудничество с нацистами и фашистами.

Однако, если Хорватия в начале 2000-х гг. прекратила «заигрывать» с националистическим наследием усташей, публично осудив их преступления, то значительная часть сербской элиты до сих пор не готова избавиться от сантиментов в отношении четников. При этом наиболее одиозные главы четнической истории, такие как участие в этнических чистках или сотрудничество с нацистами, «заматаются под ковер» исторической памяти. Неоднозначность трактовок событий ВМВ толкает политические элиты Сербии искать менее конфликтные памятные даты, как, например, события Первой мировой войны. Однако это скорее связано с политическим курсом Сербии на интеграцию с Западом, а не чувством «исторического раскаяния».

Таким образом, можно констатировать, что югославская политика памяти в отношении ВМВ, а также ее символические и ценностные аспекты оказались достаточно устойчивым конструктом, который на современном этапе служит одним из важных инструментов национально-государственного строительства на постъюгославском пространстве.

Поступила в редакцию / Received: 10.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
- Джонсон Дж., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. 2020. № 2. С. 15–41. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>

- Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История, 2018. С. 110–126.
- Ефременко Д. В., Мелешкина Е. Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16. № 1. С. 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. 2013. № 4. С. 227–236.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики: методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История, 2018.
- Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11
- Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. № 58. С. 306–321.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
- Понамарева А.М. «Неудобное прошлое» Второй мировой войны в исторической политике Республики Хорватия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 4. С. 39–67.
- Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 01.12.2020).
- Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. Is. 4. P. 713–740. DOI: 10.1080/00905990802230563
- De Lue S.M. The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world // East European politics and societies. 2006. Vol. 20, No. 3. P. 395–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>
- Djokic D. Coming to Terms with the Past: Former Yugoslavia // History Today. 2004. Vol. 54. Is. 6. P. 17–19.
- Djokić D. The Second World War II: Discourses of reconciliation in Serbia and Croatia in the late 1980s and early 1990s // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2002. Vol. 4. Is. 2. P. 127–140. DOI: 10.1080/1461319022000021585
- Duraskovic S. National identity-building and the “Ustasa-nostalga” in Croatia: the past that will not pass // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44, No. 5. P. 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301
- Erlil A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17, No. 4. P. 4–18. DOI: 10.1080/13534645.2011.605570
- Hoare M.A. Genocide and Resistance in Hitler’s Bosnia: The Partisans and the Chetniks 1941–1943. New York: Oxford University Press, 2006.
- Hofman A. “We are the Partisans of Our Time”: Antifascism and Post-Yugoslav Singing Memory Activism // Popular Music and Society. 2021. Vol. 44, No. 2. P. 157–174. DOI: 10.1080/03007766.2020.1820782
- Jović D. ‘Official memories’ in post-authoritarianism: An analytical framework // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2004. Vol. 6, No. 2. P. 97–108. DOI: 10.1080/1461319042000242001
- Jović D. Yugoslavia: A State That Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009.
- Koren S. Minorities in Croatian History and Geography Textbooks // International Textbook Research. 2001. Vol. 23, No. 2. P. 183–99.

- Milošević A., Touquet H. Unintended consequences: the EU memory framework and the politics of memory in Serbia and Croatia // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2018. Vol. 18. Is. 3. P. 381–399. DOI: 10.1080/14683857.2018.1489614
- Ramet S. *Central and Southeast European Politics since 1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Subotić J. *Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism*. New-York: Cornell University Press, 2019.

References

- Andersen, B. (2016). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Cvijic, S. (2008). Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*, 36(4), 713–740. DOI: 10.1080/00905990802230563
- De Lue, S.M. (2006). The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world. *East European politics and societies*, 20(3), 395–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>
- Djokić, D. (2002). The Second World War II: Discourses of reconciliation in Serbia and Croatia in the late 1980s and early 1990s. *Journal of Southern Europe and the Balkans*, 4(2), 127–140. DOI: 10.1080/1461319022000021585
- Djokic, D. (2004). Coming to Terms with the Past: Former Yugoslavia. *History Today*, 54(6), 17–19.
- Duraskovic, S. (2016). National identity-building and the “Ustasa-nostalga” in Croatia: the past that will not pass. *Nationalities Papers*, 44(5), 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301
- Efremenko, D.V. (2018). Historical memory and supranational identity. European Union case. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues of studying the politics of memory: sat. scientific. tr*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istorija. (In Russian).
- Efremenko, D.V., & Meleshkina, E.Yu. (2020). Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries. *Political Expertise: POLITEX*, 16(1), 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105 (In Russian).
- Efremova, V.N. (2013). Public holidays as ideological construction. *Political science (RU)*, 4, 227–236. (In Russian).
- Erl, A. (2011). Travelling Memory. *Parallax*, 17(4), 4–18. DOI:10.1080/13534645.2011.605570
- Hoare, M.A. (2006). *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia: The Partisans and the Chetniks 1941–1943*. New York: Oxford University Press.
- Hofman, A. (2021). “We are the Partisans of Our Time”: Antifascism and Post-Yugoslav Singing Memory Activism. *Popular Music and Society*, 44(2), 157–174. DOI: 10.1080/03007766.2020.1820782
- Johnson, J., & Malinova, O.Yu. (2020). Symbolic politics as a matter of political science and Russian studies: Studies of political uses of the past in post-Soviet Russia. *Political science (RU)*, 2, 15–41. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russian).
- Jović, D. (2004). ‘Official memories’ in post-authoritarianism: An analytical framework. *Journal of Southern Europe and the Balkans*, 6(2), 97–108. DOI:10.1080/1461319042000242001
- Jović, D. (2009). *Yugoslavia: A State That Withered Away*. West Lafayette: Purdue University Press.
- Khal'bvaks, M. (2005). Collective and historical memory. *Emergency ration*, (2–3). Retrieved December 01, 2020, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (In Russian).
- Koren, S. (2001). Minorities in Croatian History and Geography Textbooks. *International Textbook Research*, 23(2), 183–99.
- Malinova, O.Ju. (2018). The politics of memory as an area of symbolic politic. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues of studying the politics of memory: sat. scientific. tr*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor Istorija. (In Russian).
- Meleshkina, E.Yu. (2018). Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics. *Political science (RU)*, (3), 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11 (In Russian).

- Meleshkina, E.Yu., & Pomiguyev, I.A. (2019). The ideas of nationalism and yugoslavism in Serbian political discourse. *Rusin*, (58), 306–321. (In Russian).
- Miller, A.I. (2016). The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory, *Politia*, (1), 111–121. (In Russian).
- Milošević, A., & Touquet, H. (2018). Unintended consequences: the EU memory framework and the politics of memory in Serbia and Croatia. *Southeast European and Black Sea Studie*, 18(3), 381–399. DOI: 10.1080/14683857.2018.1489614
- Ponamareva, A.M. (2019). An inconvenient past of World War II in the historical policy of the republic of Croatia. *Moscow University bulletin of world politics*, 11(4), 39–67. (In Russian).
- Ramet, S. (2010). *Central and Southeast European Politics since 1989*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Safronova, Ju.A. (2018). The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Political science (RU)*, (3), 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01 (In Russian).
- Subotić, J. (2019). *Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism*. New York: Cornell University Press.

Сведения об авторах:

Помигуев Илья Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ; научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия) (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3068-5664)

Салахетдинов Эльдар Рустамович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН (Москва, Россия); постдокторант Университета Южной Африки (Претория, Южно-Африканская Республика) (e-mail: e.salakhedinov@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3124-8928)

About the authors:

Ilya A. Pomiguyev – PhD in Political Sciences, Associate Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University; Research Fellow at the Institute of information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia) (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3068-5664)

Eldar R. Salakhedinov – PhD in History, Research Fellow at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Postdoctoral Research Fellow at the University of South Africa (Unisa) (Pretoria, South Africa) (e-mail: e.salakhedinov@gmail.com) (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-8928>)